

Т. С. Ковалёва
Томск, Россия

T. S. Kovalyova
Tomsk, Russia

**СТРАТЕГИЯ МАНИПУЛЯЦИИ В
ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ**

(на материале текстов ИноСМИ, посвященных
Южноосетинскому/Грузинскому
конфликту 2008 г.)

**STRATEGY OF MANIPULATION
IN THE INFORMATIONAL WAR**

(based on texts of foreign media dedicated
to the South Ossetian / Georgian conflict, 2008)

Аннотация. Изучаются эффективные способы манипулятивного воздействия в публицистическом печатном дискурсе, отражающем события военного конфликта 2008 г. Определяются мифы, прецедентные ситуации, метафорические модели, актуальные для избранного дискурса ИноСМИ, цели, которые ими преследуются, а также причины их эффективности.

Ключевые слова: информационная война; публицистический дискурс; стратегия манипуляции; миф; прецедентная ситуация; метафора.

Abstract. The article is devoted to the study of effective ways of the manipulative influence of journalistic discourse, reflecting the war conflict, 2008. Myths, precedent situations, metaphorical models relevant to the chosen discourse of foreign media, purposes that they pursued and the reasons for their effectiveness are determined.

Key words: informational war; journalistic discourse; strategy of manipulation; myth; precedent situations; metaphor.

Сведения об авторе: Ковалёва (Трифонова) Татьяна Сергеевна, магистрант филологического факультета.

Место работы: Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Контактная информация: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

e-mail: Tatiyanka1986@mail.ru.

About the author: Kovalyova (Trifonova) Tatiyana Sergeevna, Master Student of the Philological Faculty.

Place of employment: The National Research Tomsk State University.

Статья заняла 3 место на Международном конкурсе публикаций молодых ученых «Современная политическая лингвистика» (2011 г.) в номинации «Политическая коммуникация»

В последние десятилетия научную значимость приобрело изучение информационной войны, и прежде всего ее психологического аспекта, в центре которого находится обращение к массовому сознанию. Информационная война определяется исследователями как всеобъемлющая, целостная коммуникативная стратегия, основанная на использовании искаженной или вымышленной информации, которая является одним из способов ведения конфликта [Почепцов 2000]. В основе информационно-психологической войны лежит определенная подача информации (ее запрещение, искажение, фальсификация) и намеренное скрытое воздействие. Основным средством такого воздействия на человека являются СМИ, и прежде всего интернет-коммуникация, отличающаяся практически бесконтрольным размещением информации и доступом к ней [Шатило 2008: 18—23].

Наиболее актуальным для изучения информационной войны представляется коммуникативно-прагматический аспект, в рамках которого информационная война анализируется как состоявшаяся коммуникация. Исследовательской целью при этом становится пошаговое рассмотрение коммуникативных ходов, принятых в ходе информационной войны, и анализ их эффективности и результативности. Методологически оправданной становится опора на психолингвистический эксперимент и мони-

торинг общественного мнения, которое может существенно изменяться в ходе войны. Исследование информационной войны с коммуникативно-прагматических позиций имеет существенную практическую значимость, так как оно может способствовать определению эффективных стратегий, направленных на защиту от информационно-психологического воздействия, формированию позитивного имиджа страны в условиях сложившихся в обществе неразрешенных конфликтов, а также послужить практическим руководством в вопросах национальной безопасности при ведении последующих информационных войн. Новизна проводимого исследования состоит в том, что оно нацелено на исследование способов речевого воздействия и факторов, обуславливающих успешность тех или иных средств речевого воздействия. В исследовании используются новые для современной лингвистики методики когнитивно-семантического анализа: изучение материала с опорой на мифы и стереотипы, прецедентные феномены, метафорическое моделирование.

Особый интерес для исследования информационной войны представляет публицистический печатный дискурс. Материалом для анализа в данной статье послужили полученные сплошной выборкой тексты, опубликованные 7—19 августа 2008 г. на сайте иностранных изданий www.inosmi.ru, посвященные южноосе-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Ковалёва (Трифонова) Т. С., 2011

тинско-грузинскому военному конфликту. Особенность публикаций состоит в том, что они содержат не столько информирование о событиях, сколько их анализ, интерпретацию и оценку. Интерпретирование событий в том или ином ключе позволяет авторам статей осуществлять воздействие, в том числе скрытое, манипулятивное: как отмечается специалистами, в настоящий момент в военной журналистике практически не представлено объективной информации.

В избранном для анализа публицистическом дискурсе, являющемся орудием информационной войны, используются различные речевые стратегии и тактики, реализующие манипулятивные цели, ядерное место среди которых занимают стратегия манипуляции, стратегия дискредитации, стратегия формирования эмоционального настроения, стратегия нападения, агитационная стратегия, стратегия саморепрезентации.

В иностранных СМИ (особенно в американских, грузинских и балтийских) наиболее часто используется стратегия манипуляции, реализующей скрытое и намеренное воздействие на установки и мировоззрение адресата и интерпретирующей военный конфликт в определенном ключе: в сознании читателя формируется образ России как агрессора, спровоцировавшего Грузию и затем асимметрично ответившего на ее удар. Миф «Россия — агрессор» обусловлен стереотипным представлением западного читателя о России, строящимся на уже существующих в его сознании прецедентных ситуациях: «Россия — Советский Союз», «российско-чеченский военный конфликт», «Афганистан», «Чехия», — в которых действия России расцениваются как тоталитарные. Отмеченные прецедентные ситуации постоянно упоминаются в ИноСМИ, воздействуя на подсознание читателя и формируя образ России как абсолютного зла, антигуманного советского тоталитарного государства, что позволяет выделить прецедентные феномены, стереотипы и мифы как особенно эффективные способы манипулятивного воздействия.

Сказанное обуславливает изучение мифа как способа речевого манипулирования. Т. Г. Добросклонская выделяет миф как способ отражения внеязыковой действительности, как отражение не существующих в реальности событий, целенаправленное конструирование виртуальной реальности [Добросклонская 2009: 88], изменяющее когнитивные категории в сознании адресата. Миф воздействует на читателя таким образом, что под видом рациональной информации на человека обрушивается информация эмоциональная, которую он не может осмыслить и управлять ей. Это продиктовано особенностями строения мифа, который объединяет в себе рациональное и эмоционально-оценочное начало.

Рациональность определяется учеными как «способность и умение человека логически обозначать наличную физическую и социаль-

ную реальность, как совокупность причинно-следственных связей, сформированных данным социо-культурным контекстом» [Ульяновский 2005: 55]. Обращение к мифу основано на желании осознать ситуацию как рациональную ценностно-поведенческую конструкцию, что реализуется в кризисных ситуациях, когда человеку неясны истинные причины происходящего. Миф в этом случае может рассматриваться как компенсация и дополнение недостающей, но очень важной для человека информации. Он объясняет сложные явления действительности, определяет роли участников ситуации, предлагает правила поведения, оправдывает политические действия и социальные установки и способствует поддержанию веры в них.

Однако рациональность мифа, как правило, мнимая: иллюзорна логика построения мифа, его причинно-следственные связи, аргументация, подробная детализация и декорации, а также кажущееся отсутствие противоречий и достоверность мифа. Миф обладает таким сильным воздействием именно благодаря мнимой рациональности: читатель начинает принимать его на веру, полагая, что получаемая им информация разумна и логична.

На этом основании современные исследователи политического и публицистического дискурса определяют миф как 1) «объединяющий и побуждающий к действию эмоционально-психологический императив, основывающийся не на знании и детерминистских схемах, а на вере» [Ульяновский 2005: 58]; 2) как «принимаемые на веру определенные стереотипы массового сознания» [Шейгал 2000: 177—178], которые впоследствии практически невозможно опровергнуть; 3) как «совокупность различного рода иллюзорных представлений, умышленно применяемых господствующими в обществе силами для воздействия на массы» [Ульяновский 2005: 43—44]. Из перечисленных определений мифа становится ясно, почему идеологи так часто прибегают к нему для конструирования определенной реальности с целью манипуляции: миф способен подчинять, группировать и направлять людей, определять их поведение и приверженность определенному политическому курсу.

Действительно, миф выстраивает четкую систему ценностей, к которой читатель либо относит себя, либо нет, занимая позицию либо внутри мифа, либо вне него [Шейгал 2000: 183; Ульяновский 2005: 34]. Ценностные отношения, в основе которых лежат определенные политические взгляды и идеологические ценности, выстраиваются на противопоставлении нейтральных и маркированных в политико-идеологическом смысле компонентов текста, вследствие чего миф может выступать в качестве средства идеологической ориентации и воздействовать на сознание читателя.

Исходя из существующих определений мифа, можно выделить его основные свойства:

эмотивность, оценочность, мнимая рациональность, аксиоматичность, недоказуемость. Благодаря этим свойствам реальность предстает в упрощенном и искаженном виде, миф же воспринимается некритично, как аксиома, не требующая доказательств.

Такое восприятие мифа читателем обусловлено особенностями языкового сознания, основанными на базовых механизмах переработки информации. Эти механизмы (обобщение, опущение фрагментов знания, произвольные бездоказательные умозаключения, персонализация, дихотомичность мышления, катастрофизация последствий ([Почепцов 2000: 22] и др.) приводят к когнитивным искажениям, вследствие чего поступающая информация соотносится с уже имеющимися в сознании представлениями, влияющими на восприятие и дальнейшие действия человека. В результате миф может представлять те реалии, которых на самом деле не существует (так называемые фантомы, которые сознание воспринимает как существующие), или изменять смысл существующих. Действительность в этом случае оценивается читателем с точки зрения определенных мифологем. Мифологема — это вербальный носитель мифа, отличительным признаком которого является фантомный денотат, либо несуществующий, либо неясный и размытый, что создает возможность для вложения в него каких угодно смыслов и для осуществления скрытого воздействия на адресата. Таким образом, исследование мифологемы является ключевым при изучении стратегии манипуляции.

Е. И. Шейгал выделяет различные основания для типологизации мифологем: по соотношению с прецедентными феноменами (прецедентный текст, прецедентное высказывание и прецедентное имя); по типу вербальной единицы — мифоносителя (мифологемы-тексты, мифологемы-высказывания, мифологемы-антропонимы); по характеру референции (общенациональные и групповые) и некоторые другие [Шейгал 2000].

Одной из сильных при реализации стратегии манипуляции является мифологема-текст, в основе которой находится прецедентный текст как определенная вербальная единица — мифоноситель. Мифологема-текст наиболее близка к классическому пониманию мифа как «сказания» (от греч. *mythos*) и соответствует мифу-нарративу, т. е. сюжетно развернутому повествованию, обладающему элементами легенды, предания, сказки [Шейгал 2000: 187].

Нарратив в публицистическом печатном дискурсе, посвященном южноосетинско-грузинскому военному конфликту 2008 г., представлен как коллигация действий, связанных друг с другом и имеющих одну центральную тему. Коллигация при этом понимается как конструкт, «объединяющий некое число прошлых и будущих событий в единое целое, которое может дать значение и объяснить любой из со-

ставляющих его элементов» [Почепцов 2001: 438]. Таким образом, если нарратив представляет мифологему России как «зла», то все последующие события, освещенные в печати, будут объясняться согласно данному нарративу, вне зависимости от реальной виновности или невиновности России.

В публицистическом дискурсе, являющемся орудием информационной войны, в качестве нарратива могут выступать не только легенды о реальных участниках событий, но и легенды о странах-участницах конфликта. Методика изучения материала с опорой на мифы и стереотипы выявляет следующие мифы-нарративы, входящие в когнитивную базу носителей западного сознания: миф о любовных отношениях НАТО и Грузии; миф о дружеских отношениях между странами, поддерживающими Грузию, мифы о различных тоталитарных государствах; миф о Грузии-жертве, обретающей независимость в неравной борьбе; мифы о южных осетинах как о сепаратистах, восставших против режима М. Саакашвили; миф о М. Саакашвили как о воспитанном США ребенке (этим мифом снимается вина с Грузии и ее сторонников, так как действия М. Саакашвили представлены как действия ребенка, за которые страна не должна нести ответственность). В качестве защитной стратегии Россией используются в основном мифы-нарративы о Южной Осетии как о государстве, пострадавшем от геноцида.

Остановимся на некоторых из мифов-нарративов западного публицистического дискурса, представленного материалами иностранных печатных изданий. В дискурсе западных печатных СМИ можно выделить несколько мифов о различных тоталитарных государствах, характеризующих отношения между Россией и Грузией. Нарративные линии при этом сконцентрированы вокруг главной темы «Россия — тоталитарное государство».

Первая линия — тоталитарные государства XX в. (на самом общем уровне — режим Сталина, Гитлера): *Вчера мир не смотрел церемонию открытия Олимпийских игр (китайцы должны быть в ярости на русских). Вместо этого мы увидели образы советских — извините, я имел в виду русских — самолетов, утюжащих территорию Грузии, в то время пока российская бронетехника пересекала Кавказские горы.* («New York Post», США, 12.08.2008); *С приходом к власти в 2000 году Путин постоянно мечтал о восстановлении могущества и влияния России в ее ближайшем географическом окружении. Он всегда говорил об этом как о желанной цели, и его слова очень напоминают риторику советского и царского российского империализма.* («The Mail on Sunday», Великобритания, 12.08.2008); *Не менее очевидны и параллели с „защитой“ Гитлером немецкого населения на территории Чехословакии. К чему привел Мюнхенский сговор — хорошо извест-*

но. *Когда Гитлер взялся „защищать“ немцев на территории Польши — было уже поздно* («Kalev», Эстония, 15.08.2008).

Вторая линия — политика Советского Союза (на более частном уровне — военные действия в Чехии, Афганистане, Чечне): *„Это кино мы уже видели в Праге и Будапеште“*, — сказал Джон Маккейн (John McCain), имея в виду *вторжения Советского Союза в Чехословакию в 1968 году и Венгрию в 1956-м.* («The Washington Post», США, 15.08.2008); *Но мир изменился с тех пор, как советские танки раскатывали Афганистан на Рождество 29 лет назад. ...Это было то самое оправдание, которое и требовалось Кремлю. Танковые бригады 58-й армии России (мясники из Чечни) пересекли международную границу с Польшей — извините, я имел в виду Грузию.* («New York Post», США, 12.08.2008).

Третья линия — антигрузинская политика, проводившаяся Российской империей и советской Россией в начале XX в.: *После обретения независимости Грузия быстро оказалась в сфере влияния России, последовали долгие годы экономических страданий с голодом, холодом, нехваткой газа и электричества, ужасной бедностью, природными катастрофами, сотнями, тысячами беженцев из охваченных катастрофами регионов и автономий, на которых, как на органичных трубах, играла Россия. Впервые в истории Грузии на улицах можно было увидеть нищенствующих женщин, детей в домах сирот. По меньшей мере, третья часть жителей Грузии, в основном женщин, отправилась на заработки за границу, чтобы не дать умереть с голоду своим оставшимся в Грузии семьям.* («Diena», Латвия, 11.08.2008).

Следует отметить, что в основе данных примеров, как и в основе любых мифологем, лежит не логическое изложение фактов, а создание эмоционального фона, при котором возможно употребление таких нелогичных суждений, как обвинение России в происходящих на территории Грузии природных катастрофах.

Проиллюстрируем примерами миф-нарратив о Грузии-жертве, обретающей независимость в неравной борьбе. Грузия представлена в ИноСМИ как веками угнетаемая нищая страна, которая наконец начала бороться за независимость: *...мужественное и изолированное демократическое государство* («New York Post», США, 12.08.2008); *Происходит вторжение, оккупация и уничтожение независимой демократической страны* («The Washington Times», США, 13.08.2008); *Дипломаты из Европы и Вашингтона считают, что Саакашвили допустил ошибку, направив на прошлой неделе войска в Южную Осетию. Возможно. Но его поистине монументальной ошибкой было то, что он стал президентом маленькой, в основном демократической и решительно прозападной страны, нахо-*

дящейся на границе с путинской Россией («The Washington Post», США, 11.08.2008). Приведенные фрагменты текстов представляют собой типичный нарратив, создающийся американскими политическими лидерами перед предвыборной кампанией: они происходят из бедной семьи, начинают бороться и достигают высоких результатов, что возможно только в гунманном западном государстве.

Мифы-нарративы об отношениях между Россией и западными странами могут также заключать в себе элементы сказки, в которой страны — участницы конфликта представлены как жертва (Грузия), злой герой (Россия), герой-освободитель (США), добрые помощники (Латвия с Литвой) и т. д. [см. Пропп 2009: 39—80].

В результате в сознании западного читателя Россия представляется государством, составляющим оппозицию всему миру с его гуманными ценностями. При этом осуществляется метонимический перенос: общечеловеческие ценности выбирает как мировое сообщество, так и Запад, но по этому критерию Запад приравнивается ко всему миру, получая право вырывать свою позицию как позицию всего мира.

При создающейся оппозиции «Россия — весь мир» происходит резкое разграничение России и мирового сообщества по разным полюсам: Россия — антагонист (оценка — «отрицательно»: чужое, опасное, несправедливое, тоталитарное, злое, склонное к силовому разрешению конфликтов, черное); Запад — протагонист (оценка — «положительно»: наше, безопасное, справедливое, свободное, доброе, склонное к сотрудничеству и переговорам, белое) [Лакофф 2006: 59—71]. Таким образом, мир делится на полюса, между которыми не существует оттенков. Такая особенность менталитета и вообще человеческого сознания значительно упрощает манипулятивное воздействие дискурса криминальных хроник, так как автору дискурса достаточно убедить читателя склониться к одному из полюсов, и другой уже будет рассматриваться как враждебный.

При создании мифов-нарративов о странах — участницах конфликта адресант дискурса для более успешного воздействия может опираться на базовые ценности, формирующие определенное отношение к событиям. Так, например, западные СМИ опираются на базовую ценность «демократия», противоположную тоталитаризму. В действительности же демократия на Западе является «противоречивой системой отношений, ценностей, механизмов» [Шейгал 2000: 185]. В публицистическом дискурсе данная ценность выступает как фантомный денотат — означаемое, наделенное достаточно размытым смыслом, завящим от того, что в это понятие вкладывает адресант, способное по этому использоваться в манипулятивных целях.

Выбор западными СМИ иной базовой ценности, например «принадлежность к христианскому миру», невозможен из-за сторонников

западных государств, исповедующих другую веру [Почепцов 2000: 313—314]. Например, при описании военного конфликта между Грузией и Южной Осетией западные СМИ не могли опереться на базовую ценность «христианство», так как Запад выступил за объединение Грузии, а в одном из сепаратистских районов Грузии, подчинившихся режиму М. Саакашвили, — Абхазии — преобладает мусульманское население.

Следует заметить, что термин «демократия» в манипулятивной функции использовался и ранее. Так, США употребляли его при описании войны в Ираке: лидер этой страны был представлен как тоталитарный, антидемократический правитель и противопоставлен демократическому Западу, при том что иракские союзники США также не принадлежали христианской вере.

Россия, в отличие от западных стран, может опереться на базовую ценность «христианство», обладающую очень сильным воздействием на читателя. В ИноСМИ часто пишут о том, что России чужды общечеловеческие ценности, и именно этой причиной западные политические деятели часто объясняют недоверие к России, невозможность ее включения в политические альянсы. В то же время опора на базовую ценность «христианство» переводит войну совершенно в иной план: это уже не столкновение личных интересов политических лидеров, не геополитическая борьба, а война христиан с христианами, мировая катастрофа, не позволяющая говорить о чьих-либо меркантильных целях. Переведение войны в «бытийный» план, несомненно, является успешной защитной стратегией России и позиционирует ее как страну, пришедшую на помощь народу, пострадавшему от геноцида, т. е. как государство, руководствующееся общечеловеческими ценностями.

Анализ мифов публицистического дискурса западных СМИ, являющегося орудием информационной войны 2008 г., указывает на то, что наиболее эффективным манипулятивным приемом стало отождествление России с тоталитарной державой. Целью указанного приема является дискредитация России как цивилизованного, современного, демократического государства, ориентированного на сотрудничество. Достижение цели часто осуществляется с помощью эксплицитно выраженного определения «Россия — это ... (название тоталитарного государства: *бонапартистская держава, Российская империя XIX — нач. XX в., нацистская Германия, Советский Союз*)».

Однако более эффективным способом манипулятивного воздействия является апелляция к прецедентному феномену «тоталитаризм», имплицитно выстраивающая аналогии между событиями и именами, связанными с этим понятием, и участием России в военном конфликте 2008 г. Под прецедентным феноменом понимается «феномен, хорошо известный

определенному кругу людей, обращение к которому возобновляется в процессе коммуникации, и который обладает ценностной значимостью для определенной культурной группы» [Лавриненко 2008: 32].

Эмпирическая база публицистического дискурса ИноСМИ, посвященного южноосетинско-грузинскому конфликту 2008 г., содержит 458 языковых единиц, обращающихся к понятию «тоталитаризм». В ИноСМИ этот термин используется как для характеристики фашистских режимов и СССР периода Сталина, так и для характеристики отдельных аспектов современной политики (например, милитаризма США при президенте Дж. Буше-мл.). При этом прецедентные феномены актуализируют следующие признаки, свойственные определению «тоталитаризм»: 1) наличие единственной партии, как правило, руководимой *диктатором*, которая сливается с государственным аппаратом и тайной полицией; 2) наличие одной всеобъемлющей *идеологии*, на которой построена политическая система общества; 3) большая роль государственной *пропаганды*, манипуляция массовым сознанием населения; 4) жесткая идеологическая *цензура* всех легальных каналов поступления информации; 5) почти всеобъемлющий контроль правящей партии над вооруженными силами и распространением оружия среди населения, и другие.

Одной из разновидностей прецедентных феноменов является прецедентная ситуация — некая «эталонная» ситуация, когда-либо бывшая в реальной действительности, связанная с набором определенных коннотаций и фиксирующая (в том числе и языковыми средствами) связь между различными объектами реальности [Лавриненко 2008]. В ИноСМИ содержится два типа прецедентных ситуаций, относящихся 1) к политике тоталитарных государств прошлого и 2) к политике современных государств, определяемой мировым сообществом как «тоталитарная».

Большим воздействующим потенциалом обладает обращение СМИ к прецедентным ситуациям, связанным с действиями самой России в прошлом, доказывающее, что с течением времени тоталитарная политика государства не изменилась, и единственное, к чему стремится Россия в войне 2008 г., — это восстановление мощи и границ Российской империи. Западная пресса часто обращается к следующим прецедентным ситуациям: 1) политика средневековой России и царской России в XIX в., имперские войны XIX в. на Кавказе, притеснение Грузии Российской империей в начале XX в.; 2) период большевистского правления, при котором Абхазия и Южная Осетия получили автономность, тоталитарный режим Сталина; 3) эпоха «холодной войны»; 4) «развал» Советского Союза в 1991 г. (манипулятивная цель использования данной прецедентной ситуации — подтвердить предположение о том, что 2008 г. — это попытка России «отыграться», вернуть статус миро-

вой сверхдержавы, потерянный в 1991 г.); 5) притеснение грузин, живущих в России, в 2004 г. Прецедентная ситуация доказывает, что агрессия России против Грузии планировалась долгое время и не является ответом на удар Грузии.

Проиллюстрируем избранный тип прецедентных ситуаций на примере наиболее частотных и эффективных. Это — военные действия России в Венгрии в 1956 г., в Чехословакии в 1968 г., в Афганистане в 1979 г., в Чечне в 1994 г., которые определяются ИноСМИ как «имперские войны». Они потрясли мировое сообщество и резко обострили отношения между Востоком и Западом. Специалисты отмечают, что некоторые из перечисленных прецедентов не получили в истории однозначной оценки. Так, мировое сообщество решительно осудило действия СССР и его союзников в Чехословакии в 1968 г., объявив, что Советский Союз поставил мир на грань ядерной войны и представляет угрозу для глобальной стабильности. Однако российские историки утверждают, что «СССР сделал все, чтобы в мае 1968 года не возникло гражданских войн во Франции и ЧССР. Он согласовывал свои действия с США и действовал строго в рамках международных законов. США же раскачивали ситуацию во Франции и ЧССР» [<http://www.coldwar.ru/conflicts/hungary/hungary2.php>].

Тем не менее данные прецеденты используются именно в том контексте, который представляет действия России как оккупацию независимых государств, чтобы доказать неизменность политики России по отношению к другим государствам со временем. Эффективность обращения к подобным прецедентам объясняется тем, что в когнитивной базе западного читателя находятся стойкие национальные стереотипы о том, что Россия до сих пор по форме правления не отличается от Советского Союза. Кроме того, вышеперечисленные события затронули практически каждого европейского жителя, поэтому эмоциональное воздействие при обращении к ним очень сильно: *За все годы своего существования даже Империя Зла — СССР не рискнула напасть на какого-нибудь члена данного альянса. Тем более не решится на это жалкая пародия на СССР — Российская Федерация. Я чувствовал то же в декабре 1979 года, когда Советский Союз совершил вторжение в Афганистан, где, как я понял позднее, он же и дестабилизировал ситуацию. Так же было в декабре 1994 года и в сентябре 1999 года, когда начинались войны против Чечни. Хотя Афганистан — другое государство, а Чечня формально является частью России, эти войны имели, по крайней мере, две общих черты. Во-первых, это были имперские войны... Необъявленная война против Грузии стала закономерным шагом со стороны правящей в России чекистско-полицейской группировки — она была вызвана теми же*

причинами, что и афганская, и чеченские войны («Грузия online», Грузия, 19.08.2008); Путин и Медведев оправдывают свое вторжение в Грузию тем, что необходимо остановить „геноцид“ осетин грузинами. Благородный порыв, но принять это всерьез довольно сложно: уж слишком силен контраст между поддержкой права осетинского народа на самоопределение в Грузии и жестоким подавлением чеченцев, пытавшихся реализовать это же самое право в России («The Washington Post», США, 15.08.2008). При этом авторы создают особую тональность текста, усиливая эмоциональное воздействие прецедентных феноменов с помощью сарказма (Российская Федерация — жалкая пародия на СССР), содержательно размытых и негативно оцениваемых определений России как «империи зла», ее правящего состава как «чекистско-полицейской группировки» и т. д.

Западная пресса обращается не только к событиям, в которых участвовала Россия, но и к прецедентным ситуациям ведения военных действий другими государствами, осуществляемых в одностороннем порядке, в обход международного права, без учета позиций мировых держав по вопросу и характеризующихся особой жестокостью. Обращение к данным прецедентным ситуациям характеризует и способы ведения войны Россией. В их составе можно выделить следующие:

1. Имперские войны Н. Бонапарта: *Россия Владимира Путина... бонапартистская держава, намеренная господствовать над соседями и восстановить былое влияние на мировой арене. Если русские не поймут, что их наполеоновские планы обойдутся им дорого, на Грузии они не остановятся (Владимир Бонапарт // «The Wall Street Journal», США, 12.08.2008).*

2. Начало Второй мировой войны, определяющее локальный конфликт 2008 г. как предлог для установления Россией мирового господства. Избранный способ манипулятивного воздействия весьма успешен, так как на основе действительно катастрофических последствий войны 1939—1945 гг. строится гиперболизация последствий войны 2008 г.: *К чему стремится гитлеровская Россия под предводительством Путина и Медведева — хочет поджечь мир, как Гитлер? («The Washington Post», США, 11.08.2008).* При этом делается вывод, что Россия — страна, для которой человек не имеет никакой ценности, страна, потерявшая честь, — следовательно, в ответ на ее действия должны применяться самые жесткие меры наказания: *Все это напоминает историю с отторжением от Чехословакии Судетской области осенью 1938 г. Тогда Гитлер также защищал соотечественников, где бы они ни находились. Когда Невилл Чемберлен возвратился из Мюнхена после подписания сделки с Гитлером, Уинстон Черчилль ему сказал: „Вы предпochли честь миру. Вы потеряли честь и по-*

лучите войну“ («The Times», Великобритания, 11.08.2008); *Только скоординированные усилия международного сообщества и жесточайшие международно-правовые санкции пока еще могут предотвратить окончательное превращение России в нацистскую Германию* («Kalev», Эстония, 15.08.2008).

3. Применение Западом военной силы по отношению к Югославии. Манипулятивная цель — определить агрессию России против Грузии как геноцид, аналогичный сербскому геноциду: *Грузия: мы избежали второго Сараево* («The Times», Великобритания, 11.08.2008); *Мы смотрели и боялись поверить, что наша Россия разговаривает с Западом его же тоном времен войны в Югославии. Боялись и не верили...* («The Washington Post», США, 15.08.2008).

4. Военные действия США в Ираке и Израиле в Ливане — также весьма частотная прецедентная ситуация. Повод для развязывания войны в Ираке оказывается таким же мнимым, как повод для войны 2008 г., истинной же целью вмешательства России в конфликт является геополитический захват власти: *В 2003 году США, Грузия, Латвия и другие государства (как теперь известно, на основании ложной и сфальсифицированной информации о якобы накопленных иракским диктатором Саддамом Хусейном запасах оружия массового уничтожения) бомбили и оккупировали Ирак. В позапрошлом году Израиль бомбил и уничтожил важнейшую гражданскую инфраструктуру в Ливане, поскольку ливанская группировка, которую не контролирует правительство Ливана, взяла в плен двух израильских солдат. Западные демократии не выразили ощутимых протестов против этих случаев. Как раз наоборот — западные демократии подтвердили, что США и Израиль могут бомбить любое государство, которое создает угрозу гибели хотя бы одному из их граждан. США и Израиль сами ввели себя в клуб государств, которые не соблюдают международное право и готовы с помощью военной силы ответить на реальную и на мнимую угрозу своим государственным интересам. 8 августа Россия сама ввела себя в клуб государств, где уже находятся Израиль и США* («Neatkarigas Rita Avize», Латвия, 12.08.2008).

Таким образом, использование прецедентных феноменов является одним из самых успешных приемов манипулятивного воздействия в ИноСМИ. Наиболее частотны и эффективны прецедентные ситуации начала Второй мировой войны, «имперских войн» России в Венгрии, Чехословакии, Афганистане, Чечне; действий США в Ираке. Эффективность данных прецедентов объясняется их значимостью практически для каждого западного читателя, а также тем, что они базируются на национальных стереотипах о том, что политика современной России ничем не отличается от политики тоталитарного Советского Союза.

Использование избранных прецедентных ситуаций основано на принципе пресуппозиции. Пресуппозиция предполагает обращение к уже существующей понятийной системе, к уже имеющемуся в сознании читателя знанию, на которое накладывается новая информация. Пресуппозиция выражена в текстах ИноСМИ имплицитно. Имплицитная информация, таким образом, используется авторами намеренно, для воздействия на сознание читателя, и может расцениваться как одна из тактик стратегии манипуляции.

Тактика «имплицитная информация» реализуется посредством различных коммуникативных ходов, ядерное место среди которых занимают «аллюзия», «метафора», «эвфемизм», «риторический вопрос» (являющийся по своей установке утвердительным или отрицательным суждением) и некоторые другие. В данной публикации механизм реализации тактики «имплицитная информация» анализируется на примере коммуникативного хода «метафора».

Метафора воплощается в текстах ИноСМИ с помощью полисемантической языковых средств и проявляется в том, что автор вводит в высказывание несколько смыслов, например буквальный (эксплицитный) и метафорический (имплицитный).

Метафора — языковое явление, объединяющее две понятийные сферы, одна из которых присутствует в сознании как пресуппозиция (понятийная сфера-источник метафоры), а другая является новой информацией, которая наложена на уже существующую и выражена имплицитно. При этом если в сознании человека сформировано негативное отношение к определенному понятию, его признаки, перенесенные в иную понятийную сферу, будут имплицитно формировать негативное отношение и к новому понятию [см. Чудинов 2001].

Вслед за А. П. Чудиновым, С. И. Берневой, М. Л. Махлаевой, Е. И. Шейгал мы выделяем следующие метафоры, характерные для публицистического печатного дискурса: антропоморфные (физиологическая, морбиальная метафора; метафора, связанная с психическими установками человека); социальные (криминальная, военная — военные конфликты «Россия и Афганистан», «Россия и Чечня», «Россия и Вторая мировая война»; театральная метафора, метафора родства, игры и спорта); метафоры природы (метафора стихии, зооморфная метафора) и артефактные метафоры (метафора дома, механизма, одежды, кулинарная метафора). В основе этой классификации лежит определенная сфера-источник, к которой обращается метафора [Чудинов 2001; Бернева, Махлаева 2010; Шейгал 2000].

Антропоморфная метафора, понятийная сфера-источник которой — человек, может имплицитно соотносить действия держав в военном конфликте и сам военный конфликт с фи-

физиологическими свойствами человека, его психическим состоянием, болезнью, поведением и т. д. Менее изученные, но наиболее яркие, на наш взгляд, антропоморфные метафоры — это сексуальная метафора и метафора «ребенок».

В метафоре «ребенок» тактика «имплицитная информация» реализуется следующим образом. Например, цель статьи — сформировать в сознании читателя мысль о том, что поведение политических лидеров в военном конфликте — это поведение детей. В качестве пресуппозиции автор выбирает понятийную сферу-источник «ребенок» (его характер или поведение) и описывает через нее действия политических лидеров в военном конфликте, отбирая в качестве языковых средств те лексемы и группы слов, которые характеризуют обычно сферу-источник. В результате посредством аналогии вводится новая, имплицитно выраженная информация. В частности, это относится к интерпретации действий М. Саакашвили американскими СМИ. Если российские СМИ определяют действия Саакашвили как геноцид, то американские, напротив, стремятся представить их как ошибки не думающего о последствиях ребенка: *Проблема молодого и „зеленого“ грузинского президента состояла в том, что он вовсе хотел быть самостоятельным и пользоваться всеми теми благами, которыми пользуются независимые политики мира — президент Франции или канцлер Германии, например... Играл в солдатики, одетых и обутых на американские деньги, двигал вперед и назад красивую военную технику. За один день выгнал из страны строптивого князя Абашидзе, за что его погладили по голове. Воспитанный и обласканный Вашингтоном и Европой, живущий в тепличных условиях типичного кавказского вассала, Саакашвили со временем начал терять чувство страха и осторожности* («Abkhaziya.org», Грузия, 14.08.2008).

Метафора «ребенок» используется в ИноСМИ для упрека европейским державам, не желающим признавать Россию виновной в конфликте или недооценивающим последствия ее агрессивных действий. В этом случае метафора передает имплицитную информацию о том, что поведение некоторых стран в вопросах урегулирования военного конфликта — это поведение наивных детей: *Так что если и можно сделать какие-то практические выводы из этой ситуации, то они таковы: во-первых, надо как следует рассчитывать свои силы, во-вторых, перестать, наконец, капризничать и приступить к созданию сильной Европы* («Gazeta Wyborcza», Польша, 12.08.2008).

Сексуальная метафора также ярко иллюстрирует, как реализуется тактика «имплицитная информация». В том случае, если в качестве пресуппозиции выбирается понятийная сфера-источник «сексуальное насилие», цель статьи — имплицитно выразить идею о том, что

поведение России в военном конфликте аморально аналогично поведению насильника. Данная понятийная сфера часто используется американскими СМИ, наиболее открыто, категорично и экспрессивно выражающими негативное отношение к действиям России: *Изнасилование Чечни было жестоким, но сейчас происходит самый бесстыдный акт путинского правления* («The Wall Street Journal», США, 12.08.2008).

Особым воздействием на читателя обладает сексуальная метафора, используемая в заголовках, так как заголовок интенционально важен: он дает первичное представление о теме статьи, служит для привлечения внимания и содержит в себе основную мысль текста. Так, например, заголовок *«Насилюя Грузию, Россия нападает на американского союзника»* («New York Post», США, 12.08.2008) образно описывает действия России как действия хладнокровного и расчетливого преступника, для которого нападение на Грузию не просто несимметричный ответ на ее удар, но тщательно продуманный ход, ведущий в результате к ослаблению позиций США. При этом языковое выражение сексуальной метафоры «насилюя Грузию» содержит имплицитный смысл «Грузия — жертва насилия». Это утверждение неоднократно подкрепляется в тексте статьи такими определениями, как *мужественное государство; маленькая, независимая, демократическая, прозападная страна; маленького бьют* и т. п. («New York Post», США, 12.08.2008; «День», Украина, 10.08.2008).

Таким образом, антропоморфная метафора, в частности метафора «ребенок» и сексуальная метафора, имплицитно характеризует действия держав в военном конфликте и сам военный конфликт через физиологические свойства, психологическое состояние и поведение человека.

Приведенные в качестве примеров и многие другие тексты, посвященные южноосетинско-грузинскому конфликту, дают основание для следующих выводов.

1. Публикации ИноСМИ представляют собой дискурс, являющийся орудием информационной войны, и характеризуются осознанным воздействием на читателя. Скрытое воздействие чаще всего осуществляется посредством стратегии манипуляции. К числу наиболее эффективных тактик и стратегий манипуляции считаем обоснованным отнести использование прецедентных ситуаций, мифов, метафорических моделей, формирующих образ России как агрессора, тоталитарной державы.

2. В качестве мифов-нарративов в ИноСМИ чаще всего выступают мифы о различных тоталитарных государствах, в которых политика современной России отождествляется с политикой тоталитарных режимов XX в. (режим Сталина, Гитлера), а также с политикой Советского Союза в отношении других государств.

3. К наиболее эффективным приемам манипулятивного воздействия также относится использование прецедентных ситуаций, относящихся к политике тоталитарных государств прошлого (прецедентные ситуации начала Второй мировой войны, «имперских войн» России в Венгрии, Чехословакии, Афганистане, Чечне).

4. В публицистическом дискурсе, являющемся орудием информационной войны, наиболее частотны метафоры, имплицитно выражающие идею о том, что Россия — бесконтрольная, разрушительная стихия (метафоры неживой природы); ее военные действия — жестокий и бездушный механизм (артефактные метафоры); политические лидеры страны — игроки, актеры, криминальные авторитеты (различные метафоры, относящиеся к социальной сфере-источнику: метафоры игры и спорта, театральные, криминальные метафоры).

Таким образом, в результате манипулятивного воздействия в сознании западного читателя формируется представление о России как о государстве, составляющем оппозицию всему миру с его гуманными ценностями. Россия характеризуется как антагонист, Запад — как протагонист, Грузия — как жертва военного конфликта.

Специалисты признают, что в военном конфликте 2008 г. Россия потерпела информационное поражение, несмотря на эффективность физических методов ведения войны [Шатило, Шорин 2008: 18—23]. Однако во время южно-осетинско-грузинского конфликта были выработаны некоторые успешные средства защиты, к которым, в частности, относятся приемы речевой стратегии аргументации, имеющей практически нулевой уровень конфликтности и направленной на объективный анализ проблем. Публицистический дискурс 2009—2011 гг. демонстрирует изменение представлений о конфликте: он осмысливается в жанре интервью, предполагающем не безапелляционные заявления о вине одной стороны, а рассмотрение различных мнений; появляются комментарии не только западных, но и российских экспертов. В результате категоричное отношение западного читателя к России как агрессору сменяется размышлениями о том, что Россия по гуманным причинам не могла не вступить в конфликт. Однако, несмотря на изменение отношения западного общества к конфликту, при обсуждении других социально значимых проблем пресса

часто использует события 2008 г. как прецедент, дискредитирующий Россию. Изучение текстов ИноСМИ позволяет говорить об эффективности некоторых ответных ходов России, но и о недостаточности их для защиты от информационной атаки на должном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

Бернева С. И., Махлаева М. Л. Особенности использования метафор в современной отечественной прессе. — М.: МГУ, 2010. URL: http://www.philol.msu.ru/~rlc2010/abstracts/rlc2010_abstracts_sec16.pdf.

Добросклонская Т. Г. Лингвистические способы выражения идеологической модальности в медиатекстах // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19 : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. С. 85—94.

Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиа-дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ : моногр. — М.: Ин-т языкознания РАН ; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003.

Лавриненко Т. А. Прецедентный мир «Великая отечественная война» в русской лингвокультуре : дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2008.

Лакофф Дж. Метафора и война: система метафор для оправдания войны в заливе // Современная политическая лингвистика. — Екатеринбург, 2006. С. 59—71.

Почепцов Г. Г. Информационные войны. — М.: Рефл-бук ; Киев: Ваклер, 2000.

Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. — М.: Рефл-бук ; Киев: Ваклер, 2001.

Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. — М., 2009.

Ульяновский А. В. Мифодизайн: коммерческие и социальные мифы. — СПб.: Питер принт, 2005.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 — 2000). — Екатеринбург, 2001. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm>.

Шатило Я. С., Шорин И. Ю. Психологические аспекты информационной войны // Информационная безопасность регионов. — Саратов, 2008. № 1. С. 18—23.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. — Волгоград, 2000.

Шейгал Е. И. Театральность политического дискурса. — Саратов, 2000. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/sheygal-00.htm>.

<http://www.coldwar.ru>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Т. А. Демешкина